

Время взрослеть, или оправдание анархии

Как отсутствие мирового
порядка может способствовать
ответственному поведению
государств

Олег Барабанов, Тимофей Бордачёв,
Ярослав Лисоволик, Фёдор Лукьянов,
Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев

Этот текст и другие доклады можно
скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-6043044-1-9

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Доктор политических наук, профессор РАН, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель Европейского учебного института МГИМО

Бордачѳв Тимофей Вячеславович

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Лисоволик Ярослав Дмитриевич

Доктор экономических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», член Экспертного совета при Правительстве России, член Бреттон-Вудского комитета

Лукьянов Фѳдор Александрович

Руководитель авторского коллектива, директор по научной работе Фонда клуба «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, профессор-исследователь НИУ ВШЭ

Сушенцов Андрей Андреевич

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Института международных исследований и Лаборатории анализа международных процессов МГИМО

Тимофеев Иван Николаевич

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» и Российского совета по международным делам, доцент кафедры политической теории МГИМО

Содержание

- 4 Введение
- 5 Пути к порядку? Отнюдь
- 9 *Мировая экономика: в поисках нового «золотого стандарта»?*
- 13 Трудности перевода в эпоху ценностного плюрализма
- 17 Диалектика военной силы
- 20 Демократия против порядка

- Новый мир выдвигает принципиально новые требования для выживания человечества и формирует запрос на новую этику ответственного поведения – понимание неизбежных последствий своих действий.
- Более естественным состоянием международных отношений является анархия, а относительный порядок XX века был результатом специфического стечения обстоятельств именно того периода. Этих обстоятельств больше нет. На передний план выходит уже не «восстановление управляемости», а вопрос «техники безопасности» для государств.
- Как бы ни была структурирована международная среда – или если она вообще утратит явную структуру – перед государствами останется вопрос о выживании. Необходимо выработать систему адекватных реакций на поведение, интересы и ценности окружающих.
- Идея об относительности суверенитета, которая стала порождением «либерального порядка» на этапе обретения им гегемонии, превратилась в идею абсолютности силы. Что, в общем, закономерно.
- Мы признаём невозможность создания мирового управления, не опирающегося на силу какой-то державы/группы держав, и полагаемся на инстинкт самосохранения государств.
- На смену выстроенному мировому порядку приходит демократия самостоятельных государств, диктующая новые требования ответственного поведения.
- Новый мир гораздо демократичнее своего предшественника и одновременно гораздо требовательнее к лицам, принимающим решения. Но именно поэтому он открывает огромные возможности для взросления человечества как социума самостоятельных индивидуумов – государств.

Введение

Источником вдохновения для ежегодных докладов, которые мы готовим к «большому» осеннему заседанию Клуба в Сочи, часто служат значимые для международной политики годовщины, будь то столетие начала или конца Первой мировой войны, пятисотлетие Реформации, либо четырёхсотлетие Тридцатилетней войны. История помогает понять современность: в долгой ретроспективе лучше видно, что сущностное, а что наносное, какие из кажущихся фундаментальными проявлений действительно таковы, а какие скоро будут забыты. История никогда не повторяется буквально, но содержащиеся в её течении парафразы достаточно важны, чтобы принять их во внимание при попытке заглянуть в будущее. Или же наоборот, как случается в переломные эпохи, — чтобы понять, что знание из минувшего не особенно помогает разобраться в грядущем. Не будем отступать от традиции и на сей раз.

Сто лет назад, летом 1919 года, были заложены основы так называемой Версальско-Вашингтонской системы международных отношений — одной из самых несправедливых моделей миропорядка, построенной на желании победителей максимально отомстить поверженному неприятелю. Одновременно был подписан Устав Лиги Наций. Это была первая осознанная попытка учредить систему глобального управления. Идея Лиги Наций базировалась на предложениях президента США Вудро Вильсона, основоположника доктрины, которую впоследствии назвали либеральным международным порядком. (По иронии истории сами Соединённые Штаты не присоединились к Лиге Наций, вдохновителем которой был её президент.) И версальско-вашингтонские принципы, и Лига Наций потерпели крах, но их печальный опыт помог создать гораздо более устойчивую систему после Второй мировой войны. Настолько устойчивую, что временами она казалась естественно вытекающей из природы человеческого общения. Но соответствовало ли действительности это представление?

В прошлогоднем докладе под названием «Жизнь в осыпающемся мире» мы констатировали, что «развилка формирования эффективно функционирующего международного порядка на основе глобального управления пройдена. Мир <...> соскользнул в эпоху односторонних решений — эта тенденция объективна, ею нельзя управлять, но необходимо понимать её последствия. В первую очередь для институтов и практик многостороннего взаимодействия — международных организаций, центральное место среди которых занимает ООН. Продукт, символ и опора той системы, создание которой <...> знаменовало окончание почти тридцатилетнего периода мировых геополитических потрясений». Далее мы высказывали сомнения в вероятности «построения нового порядка в разнообразном взаимосвязанном мире государств, которые не станут менее эгоистичными». Призвали изучать, «как будут меняться важные <...> категории международных отношений. Такие понятия, как сила, мораль, справедливость, тысячелетиями структурировали отношения между социальными организациями наивысшего порядка — государствами <...>. В том мире, черты которого пока даже не просматриваются после неудачи в деле строительства нового порядка, эти три базовые категории займут подобающее им место в новой интерпретации». *Что произошло за истекший год?*

Пути к порядку? Отнюдь

Самая насыщенная публичная дискуссия 2019 года, настолько оживлённая, что в ней принимают участие даже руководители наиболее влиятельных государств, не говоря уже о многочисленных интеллектуалах, развернулась о перспективах либеральных принципов мироустройства. Спектр мнений широк — от утверждения о смерти либерализма до мнения, что, преодолев неразбериху, мир всё равно вернётся к новой версии «либерального порядка, основанного на правилах». Как бы то ни было, доминирует точка зрения, что тот или иной порядок установится после периода хаотичной трансформации.

Это предположение не является аксиомой. Вторую половину XX и начало XXI века едва ли стоит рассматривать в качестве модели на будущее. Скорее уж то время войдёт в историю международных отношений как период аномальной упорядоченности — уникальный по своей сути, когда в основе функционирования мировой системы лежала добрая воля её участников. После кошмарных уроков первой половины прошлого столетия все осознавали необходимость взаимодействия и делали рациональный выбор в пользу сотрудничества (прежде всего по управлению конфликтами). В результате появились международные институты, и на несколько десятилетий воцарился относительный порядок. Важную роль играл баланс сил, не имевший аналогов в истории. Ядерные сверхдержавы, находившиеся в состоянии холодной войны друг с другом и со своими соседями, должны были придать этому состоянию институциональный характер.

Главный инструмент институционализации — Совет Безопасности ООН. Его создателям удалось почти невероятное — придумать и воплотить в жизнь замену войны между крупными странами в виде права вето в Совбезе. Оно нарушило формальное равенство государств, гарантированное Вестфальской системой. «Пятёрку» постоянных членов Совбеза, имеющую «привилегии во имя мира», противопоставили остальному человечеству. А сам Совет Безопасности стал органом глобального управления. И в этом заключалась революционность международной ситуации второй половины прошлого века по сравнению со всем тем, что имело место в предшествующие столетия.

Из-за своей упорядоченности период «международного управления» воспринимался большинством игроков как комфортный, и это казалось естественным и необратимым. Поискам способов «восстановления управляемости» в изменившейся обстановке

**Современная
международная
политика и экономика
пришли в состояние
последовательной эрозии
систем и порядков**

посвящено большинство интеллектуальных упражнений последних лет. Одни исследователи и практики стараются вычленивать в массиве стоящих перед человечеством проблем те, что смогут стать объединяющими и сделают необходимым создание общих институтов. Назовём эту «управляемость» (по Руссо и Локку) – объединением равных. Другие же продвигают мир «жёсткой империи» (по Гоббсу или по древнекитайским легистам) либо иной вариант (по Конфуцию) – мир, управляемый одним мудрым центром. В последнем случае требуется признание лидерства одной страны или группы стран (концента).

Однако исторический опыт человечества позволяет предположить, что более естественным состоянием международных отношений является анархия, а относительный порядок XX века был результатом специфического стечения обстоятельств именно того периода. Он был несправедлив в своей основе, поскольку отражал реалии холодной войны, но в наибольшей степени приближался к оптимальной управляемости.

Международные институты, которые возникли после Второй мировой войны, были уникальны не только потому, что могли обеспечить относительный комфорт для значительного числа участников международного общения. Благодаря им державы, доминирующие в силу своего военно-политического превосходства, имели возможность реализовывать свои интересы не через прямое силовое давление, а с помощью ресурсной поддержки этих институтов.

Современная международная политика и экономика пришли в состояние последовательной эрозии систем и порядков, выработанных за исторический период после середины XVII века. Причина всеобщей растерянности не в том, что деградируют институты и правила, знакомые нам с середины прошлого столетия (хотя и к ним удивительно прочно привыкли). Под сомнением оказываются более фундаментальные основы международного общения.

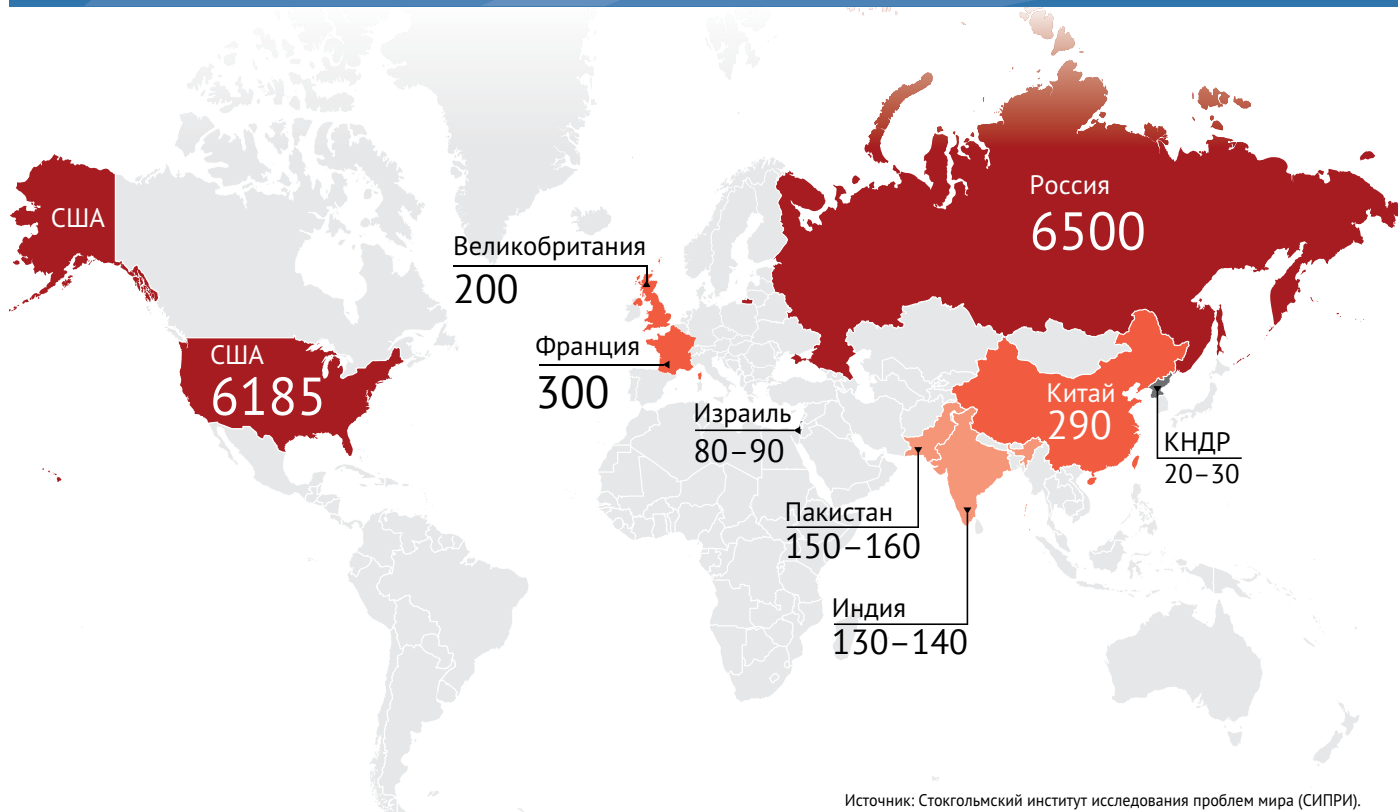
Например, хотя сегодня уже никто (в отличие от 1990-х годов) не затевает обсуждения о пределах суверенитета государства, этот вопрос перестаёт быть категорией, ограничивающей других в их действиях. Невмешательство во внутренние дела – просто слова, а не норма поведения. Принцип суверенного равенства всё больше превращается в формальную теоретическую схему. Достижение силового преимущества и отказ от любых ограничений – почему нет?

Правила, конечно, нарушались и прежде. Но они присутствовали как категории, а те, кто их нарушал, это понимали и считали такие действия экстраординарными, вынужденными. Теперь же подобное происходит просто

по мере необходимости. Идея об относительности суверенитета, которая стала порождением «либерального порядка» на этапе обретения им гегемонии, превратилась в идею абсолютности силы. Что, в общем, вполне закономерно. Относительно стабильным остаётся «железо» — правила ядерного сдерживания, хотя и они вскоре окажутся под сомнением. Процесс распространения ядерного оружия и средств его доставки необратим.

МИРОВЫЕ ЯДЕРНЫЕ АРСЕНАЛЫ, 2018

Этот новый мир выдвигает принципиально новые требования для выживания человечества и формирует запрос на новую этику ответственного поведения — понимание неизбежных последствий своих действий. В современных условиях любые предложения относительно повышения управляемости или даже снижения рисков будут иметь относительный характер. То, что мы недавно воспринимали как проявление «стратегической фривольности» — готовность идти на серьёзный и не до конца просчитанный риск ради достижения сиюминутных результатов — может стать признаком повседневной политики государств.

Относительно стабильным остаётся «железо» — правила ядерного сдерживания, хотя и они вскоре окажутся под сомнением

В своей истории человечество уже переживало такой период, и он закончился Великой войной 1914–1918 годов, получившей затем продолжение в мировой трагедии 1939–1945 годов. Сейчас есть ядерное оружие, которое в своём предельном выражении является оружием апокалипсиса и таким образом сдерживает взаимную агрессию обладающих им держав. Но ощущение – вероятно иллюзорное – военной безопасности, с одной стороны, и обострение конкурентной борьбы на всех уровнях, с другой, побуждают страны спешить с переделом сфер технологического и экономического влияния. Возникает феномен ускорения международных процессов. Неуправляемая конкуренция толкает к постоянному повышению ставок. Хотя большая война почти исключена, одновременно идёт несколько необъявленных войн – экономическая, технологическая, информационная. По существу, никогда не прекращалась война тайная – специальные операции и провокации, нацеленные на выведение соперника из равновесия и создание удобного информационного фона.

Особенность сегодняшних конфликтов в том, что они начинаются и заканчиваются без объявления. Фактически происходят короткие рейдерские кампании, которые предпринимаются коалицией желающих или единичными странами на свой страх и риск. Случается, что эти «набеги» и «атаки» совершаются без ведома национальных правительств влиятельными группами или даже отдельными могущественными лицами. Зачастую возникает вопрос об атрибуции нападения – новый казус в международных отношениях, при этом остро конфликтогенный.

Как бы ни была структурирована среда – а есть вероятность, что она вообще утратит явную структуру – перед государствами останется вопрос о выживании. Необходимо выработать систему адекватных реакций на поведение, интересы и ценности окружающих. Но это невозможно без понимания того, какие факторы станут определять для государств пределы дозволенного. Соотношение сил держав, включая все категории, которые входят в понятие «сила», остаётся важнейшим фактором стабильности. Тем более что возникающая под воздействием разных факторов новая среда будет лишена многих привычных нам признаков, позволявших относительно легко прогнозировать её развитие и поведение участников.

Возможно, новая этика ответственности государств будет строиться на осознании того, что чёткие правила поведения отсутствуют, а важнейшим фактором взаимного сдерживания является способность проявить решимость в отстаивании своих интересов и ценностей. Всё более важную роль играет коммуникация между народами и цивилизациями – способ передачи сигналов, указывающих на рамки взаимного поведения («трещотка» – у гремучих змей).

Мировая экономика: В поисках нового «золотого стандарта»?

В течение нескольких десятилетий Ямайская валютная система, основанная на ключевой роли американского доллара, способствовала развитию мировой экономики, росту товарооборота и инвестиций. После пика финансового кризиса в 2008 году политика количественного смягчения в США породила цепную реакцию, которая сопровождалась аналогичными действиями в других развитых и развивающихся странах. Падение рубля в странах СНГ вызвало волну количественного смягчения в странах «ближнего зарубежья». Беспокойство мировых финансовых рынков в этом году связано с тем, что снижение курса национальной валюты Китая может потенциально привести к конкурентной девальвации и в других субъектах мировой экономики.

Парадигма сотрудничества и взаимной экономической открытости, провозглашённая ранее, в современной мировой экономике сместилась в сторону протекционизма, как уже было во времена Великой депрессии 1930-х годов. Но если в XX веке основным инструментом протекционизма служили торговые барьеры в виде высоких импортных пошлин, то теперь их дополняют меры конкурентной валютной девальвации. Модель взаимной девальвации сыграла роль в замедлении роста мировой экономики за счёт снижения спроса, что сформировало так называемую «новую норму» — замедленный рост в течение длительного времени. На фоне признаков корректировки валютных паритетов МВФ призывает страны более тесно координировать финансовую политику, чтобы не нанести ещё большего вреда торговле и инвестициям.

Последние несколько лет мировая экономика демонстрировала повышенный спрос на новые резервные валюты: и из-за

дисбалансов в США и еврозоне, и по причине растущих объёмов резервных активов развивающихся стран. Кроме того, наследием Ямайской валютной системы стал крайне высокий уровень долларизации мировой экономики, который значительно превышал и без того высокую долю американской экономики в мировом хозяйстве. Дополнительным фактором дедолларизации резервов центральных банков и роста доли золота является санкционный риск, что приводит страны, попадающие под санкции, к поиску альтернативных резервных активов, не подверженных санкционному риску.

Тенденция снижения доли доллара в международных расчётах наблюдалась не только в России и евразийском регионе, но и в масштабах всей мировой экономики. Так, Центральный банк России в 2018 году снизил долю доллара в структуре резервов, одновременно нарастив долю юаня, евро и золота. За 2018 год ЦБ РФ сократил долю доллара в структуре резервов вдвое — с 45,8% до 22,7%. Также ЦБ сократил долю фунта стерлингов на 2,3 процентного пункта — до 6%. При этом Банк России значительно увеличил долю юаня — с 2,8% до 14,2%, а также долю евро — с 21,7% до 31,7%. За 2018 год также выросла доля золота в структуре золотовалютных резервов ЦБ — на 0,9 процентного пункта, до 18,1%¹. По данным Европейского центрального банка, за 2018 год доля доллара США в мировых валютных резервах сократилась до минимальных с момента создания еврозоны 61,7%, в то время как доля евро в мировых резервах за прошлый год выросла более чем на 1 п.п. — до 20,7%².

Помимо снижения доли доллара в резервах центральных банков снижается также доля американской валюты в международных расчётах. Так, за первый квартал 2019 года доля доллара в расчётах Китая за поставки товаров и услуг из России составила 45,7%. В целом за 2018 год на американский доллар приходилось 75,1% в общем объёме платежей за российский экспорт. Доля евро за год выросла с 0,7% в первом квартале 2018 года до 37,6%

¹ Центральный банк России. (2019) Годовой отчёт Банка России за 2018 год // ЦБ РФ. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19699/ar_2018.pdf

² European Central Bank. (2019, June). *The International Role of the Euro*. Retrieved from: www.ecb.europa.eu/pub/ire/html/ecb.ire201906~f0da2b823e.en.html#toc1

в первом квартале 2019 года. На российский рубль пришлось 9,6% платежей по сравнению с 6,8% за аналогичный период 2018 года, на иные валюты, в числе которых китайский юань, — 7,1% против 4,7%³.

Возможно, ключевым фактором дедолларизации мировой валютной системы станет догоняющее развитие крупнейших развивающихся стран. Результатом модернизации развивающихся рынков станет рост их доли в мировом товарообороте и инвестиционных потоках, что, в свою очередь, будет определять появление новых резервных валют. Такое развитие событий приведёт к «многополярной валютной системе», в которой будет расти число новых резервных валют на фоне снижения доли американского доллара. Вероятнее всего именно национальные и региональные валюты (евро) будут основой мировой валютной системы будущего. В условиях роста уязвимости развивающихся экономик по отношению к масштабным потокам капитала, который делает систему фиксированных валютных курсов неустойчивой, вероятность возрождения нового «золотого стандарта» достаточно мала.

Аргументы в пользу плавающих валютных курсов достаточно весомы, так как гибкость валютной системы позволяет экономике сглаживать внешние шоки, например резко снижающиеся цены на нефть. При этом давление на объём производства и равновесие платёжного баланса страны снижается. Свободно плавающие валютные курсы также дают возможность поддерживать валютный резервный фонд на достаточном уровне, при этом повышая эффективность инструментов экономической политики, таких как процентные ставки. Однако гибкость валютной системы имеет как плюсы, так и существенные минусы в условиях, когда страны всё больше взаимодействуют между собой через торговлю и инвестиции.

Криптовалюты вряд ли приблизятся к статусу резервных активов в ближайшее время, учитывая неоднородность регуляторного климата и высокую волатильность. В то же время доля золота

---

³ Назарова Ксения, Ткачёв Иван. (2019) Китай меняет нефtedоллары на евро // РБК. 26 июля 2019. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/07/26/5d39ad439a79477f145b23b0>

в последние несколько лет заметно росла на фоне растущего спроса со стороны центральных банков. Так, в 2018 году центральные банки скупили больше золота в свои золотовалютные резервы, чем в какой-либо год с периода окончания действия «золотого стандарта» 1971 года.

Тем не менее доллар будет ещё долгое время сохранять свою доминантную роль среди мировых резервных валют. Благодаря не только высокой доле США в мировых торговых и инвестиционных потоках, но и высокой доле доллара в ключевых инструментах финансового рынка, в том числе долговых инструментах корпоративного и государственного сектора. Инерционность мировой финансовой системы будет также связана с привычностью и удобством проведения транзакций в долларах, особенно вследствие того, что инфраструктура проведения расчётов в долларах является наиболее развитой.

С другой стороны, новые резервные валюты будут сталкиваться с силой инерции и рядом других препятствий на пути к статусу резервной валюты в мировой экономике. Прежде всего препятствием является высокая волатильность и недостаточное развитие инструментов хеджирования, низкий уровень ликвидности, а также высокие страновые риски, что повышает стоимость премии за риск при проведении операций с данными валютами. Дополнительным сдерживающим фактором является валютные ограничения, которые существуют в большинстве стран БРИКС и других развивающихся рынков.

Ещё один ключевой фактор, который ограничивает возможности по более интенсивному использованию рубля и других валют развивающихся стран, — их сырьевая зависимость. Долгосрочные перспективы более интенсивного использования рубля и других валют стран БРИКС в международных расчётах будут зависеть от структурных мер, которые направлены на снижение сырьевой зависимости и, соответственно, снижение той высокой волатильности, которую мы видели за последние несколько лет — как отражение этой зависимости от цен на сырье.

Трудности перевода в эпоху ценностного плюрализма

Когда речь идёт о коммуникации в современных условиях, жизненно важной становится способность понимать друг друга. Фрагментация мира ведёт к утрате единого смыслового поля политики. Старые и новые центры силы разъединяют не только геополитические противоречия или торговые войны. Новые центры формулируют свои ценности и смыслы, предлагая другим странам если не воспринять их, то по крайней мере принять как данность наличие у них собственного видения мира.

Холодная война XX века во многом представляла собой столкновение двух разных ценностных и идеологических систем. После её завершения была заявлена деидеологизация мира, от которой оставался лишь один логический шаг до постулирования универсальных ценностей, что и попытались сделать. Как теперь понятно – без особого успеха.

В теории универсальные ценности несли в себе мощный заряд глобальной стабилизации, если воспринимать их не как инструмент для воплощения в жизнь западных геополитических стратегий, а как разделяемую многими данность или идеал, к которому надо стремиться. В этом случае они, во-первых, действительно снижали бы риск внешнеполитических и военных конфликтов в силу идейной близости потенциальных соперников. Во-вторых, содействовали бы сплочению разрозненного мира, сдерживали бы заведомую анархичность международных отношений и способствовали бы созданию действительно эффективной системы глобального управления. В-третьих, они связывали бы глобальное общество, содействуя постепенной трансформации его в единую социальную систему. В-четвёртых, на основе единых ценностей гораздо сподручнее было бы решать общие проблемы (экология, бедность и прочие), а также вырабатывать устойчивый подход к регулированию глобального всеобщего достояния. Таким образом, если бы модель универсальных общечеловеческих ценностей была реализована в том виде, в каком официально декларировалась, она несомненно стала бы кульминацией развития (которое шаг за шагом происходило на протяжении нескольких веков) международной системы в направлении разумной управляемости.

Соотношение сил держав, включая все категории, которые входят в понятие «сила», остаётся важнейшим фактором стабильности

НАСЕЛЕНИЕ МИРА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТRENДЫ

Подъем Африки

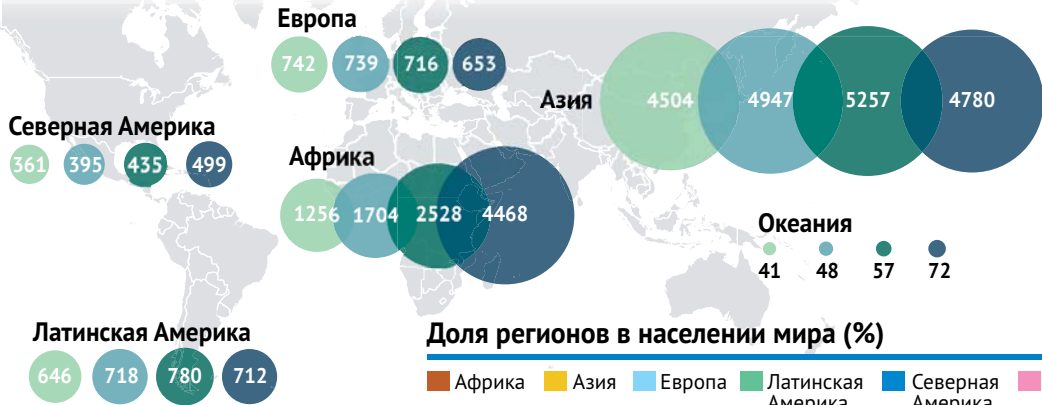
млн человек

2017

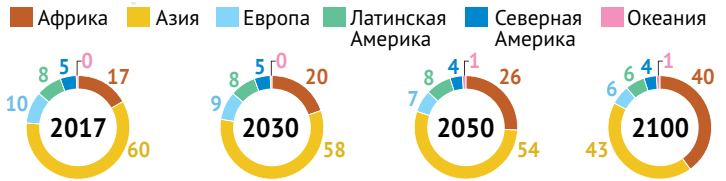
2030

2050

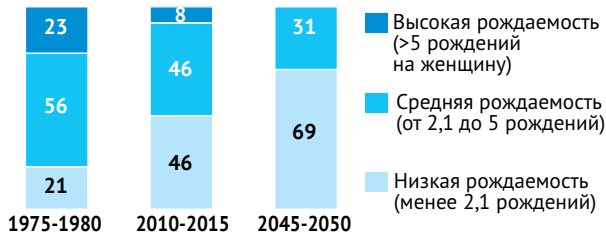
2100

Доля регионов в населении мира (%)

Уменьшение рождаемости (% населения мира)

Бремя или дивиденд? (% населения по возрастным группам)

	0-14	15-24	25-59	60+
В мире	26	16	46	12
Африка	41	19	35	5
Азия	24	16	48	12
Европа	16	11	49	24
Латинская Америка	25	17	46	12
Северная Америка	19	13	46	22
Океания	23	15	45	17

Новые лидеры? (млн человек)

1950	2017	2050	2100
Китай (554)	Китай (1410)	Индия (1659)	Индия (1517)
Индия (376)	Индия (1339)	Китай (1364)	Китай (1021)
США (159)	США (324)	Нигерия (411)	Нигерия (794)
Россия (103)	Индонезия (264)	США (390)	США (447)
Япония (83)	Бразилия (209)	Индонезия (322)	ДР Конго (379)
Германия (70)	Пакистан (197)	Пакистан (307)	Пакистан (352)
Индонезия (70)	Нигерия (191)	Бразилия (233)	Индонезия (306)
Бразилия (54)	Бангладеш (165)	Бангладеш (202)	Танзания (304)
Великобритания (51)	Россия (144)	ДР Конго (197)	Эфиопия (250)
Италия (47)	Мексика (129)	Эфиопия (191)	Уганда (214)

Источник: World Population Prospects 2017 (ООН).

Однако заявляемые цели — это одно, а реальные намерения и практики — другое. «Внедрение» единых универсальных ценностей происходило таким образом, что у ряда стран возникли не только опасения за свои исторические, национальные, культурные и религиозные традиции, но и страх перед внешним посягательством на их государственный суверенитет. Поэтому выработка альтернатив на рубеже 1990-х — 2000-х годов началась с поиска и создания преград для внешних ценностей в контексте защиты суверенитета. В «проекции демократии» многие усмотрели обычную геополитическую экспансию Запада, тем более что с какого-то момента она стала осуществляться с применением заведомо превосходящей военной силы.

Ценностное многообразие не означает непременно возвращения к идеологическому противостоянию по модели холодной войны. Ведь далеко не всегда комплекс определённых ценностей консолидируется в целостные и тем более универсалистские идеологии. Он может выражаться в разделяемом политическом поведении, общем институциональном строительстве и скорее пониматься по умолчанию, чем постулироваться в виде жёстких идеологических догм.

Приведёт ли многообразие ценностных систем к их столкновению в духе концепции «конфликта цивилизаций»? Совсем необязательно, тем более что провал универсалистской модели глобализации делает намного менее актуальными попытки широкого распространения какой-то идеологии. Однако возникает другая проблема — корректность восприятия заявлений и действий визави, которые руководствуются иным смысловым и ценностным набором. В описанном выше мире с деградирующими правилами и институтами адекватность поведения игроков становится главным залогом международной безопасности. А она требует правильного понимания логики и мотивов действий важнейших субъектов. Ведь они будут пользоваться разными смысловыми наборами, даже если их представители будут общаться, например, на том же английском.

Это делает актуальным вопрос о необходимости своего рода «глобального перевода» со смысловых языков различных ценностных систем. И здесь нужна выработка новой семантики и семиотики — не в лингвистическом смысле, что касается значения слов и выражений, а применительно к ценностным знаковым системам. К слову, сам термин «глобальная семиотика» отнюдь не нов. Но поскольку он появился на волне роста универсалистского

**«Глобальный перевод»
между конкурирующими
ценностными
системами — ключевой
элемент «техники
безопасности»
во фрагментированном
мире**

подхода к ценностям, то во главу угла ставился вопрос об осмыслении «глобальной диффузии» единых норм и ценностей в рамках «межкультурного перевода». Теперь же, по всей видимости, должен возобладать противоположный подход.

Какие политические условия нужно создать, чтобы этот новый «глобальный перевод» помогал конкурирующим ценностным системам понимать друг друга?

Первое условие очевидно. Это признание всеми игроками того, что каждый вправе руководствоваться собственными ценностными представлениями. Для многих стран (Запада, но и не-Запада тоже) признать такое довольно трудно. Однако без этого доходчивого перевода не получится, а будет лишь сохранение вышеупомянутой «диффузии».

Второе. Для понимания ценностей других необходимо просвещение, образовательный процесс по их изучению, политическому и культурному осмыслению. Признание плюрализма предусматривает появление «ценностного любопытства», искреннего желания понять других.

Третье и самое важное. Конкуренция ценностных систем должна смениться их сближением. После чего могут вновь возникнуть единые ценности, о плюсах которых мы уже упоминали. Разница лишь в том, что в этом случае они будут разделяться всеми, а не восприниматься как навязанные извне.

«Глобальный перевод» между конкурирующими ценностными системами — ключевой элемент «техники безопасности» во фрагментированном мире. Иначе вместо попыток диалога мы будем видеть лишь тотальный троллинг, который получил взрывное распространение в последние годы и применяется сейчас повсеместно. А когда трансляция смыслов заменяется желанием дразнить друг друга, рискикратно возрастают.

Классическими «переводчиками» политической воли, которых, кстати, в полной мере затронула проблема троллинга, всегда были дипломаты. Их функция будет востребована и в новом мире, ведь государство, на службе которого они находятся, остаётся основной структурной единицей международной системы. Сегодня дипломатия переживает кризис. Прохождение политических сигналов по дипломатической линии стало заметно хуже. Обмен ими перешёл на уровень СМИ (подчас в виде откровенного взаимного издевательства) и неофициальной дипломатии, когда доверенные эксперты или влиятельные отставники обладают более широкими возможностями для разговора с контрагентами и зондажа позиций. Участилось использование дипломатии

для обмена чисто формальными официальными позициями, которые ни одна из сторон не воспринимает всерьёз.

Ещё одна особенность, ставшая продуктом периода «универсальных ценностей» — активное вовлечение дипломатии в политические трансформации иностранных государств, стирание грани между внутренними и внешними функциями. После холодной войны западные дипломаты стали задавать тон в использовании общественной, публичной и «парадипломатии» для продвижения своих ценностей и принципов, а вместе с ними — и политических интересов. В условиях осложнённого взаимопонимания и отсутствия чётко сформулированных правил возрождение традиций классической дипломатии с её неидеологизированным профессиональным умением находить выходы из наиболее сложных коллизий является жизненной необходимостью.

Диалектика военной силы

Когда дипломаты молчат, говорят пушки — неутешительный парафраз известного выражения. Но, как мы уже говорили выше, есть и хорошие новости. В формирующемся мире, в силу глубокой взаимозависимости, вероятность большой войны между сопоставимыми соперниками, кинетического столкновения крупных армий — достаточно низка. В этом — отход от традиции международных отношений.

Однако сложившаяся ситуация создаёт лишь иллюзию безопасности, что в свою очередь усугубляет риск, связанный с недопониманием, возможным просчётом, ошибкой маневрирования в стремительном потоке событий. Всё осложняется ещё и тем, что психология нового поколения принципиально отличается от установок той же холодной войны. Мысль о том, что глобальный конфликт будет равнозначен всеобщему уничтожению человечества, занимает все меньшее место в умах современных политиков и военных. Есть убеждение, что воевать можно — вопрос лишь в минимизации потерь и максимизации результатов.

Тем временем ведущие державы накопили колоссальные военные арсеналы. Их экспоненциальный рост продолжался весь «короткий XX век». Окончание холодной войны временно приглушило аппетит, но вскоре

Прохождение политических сигналов по дипломатической линии стало заметно хуже

«революция в военном деле» вышла на новые рубежи. Все крупные державы (США, Россия, КНР, Индия и даже некоторые европейские страны) наращивают или модернизируют силы ядерного сдерживания и обычные вооружения. К ним добавляются принципиально новые возможности, связанные с внедрением технологий – от высокоточного оружия до искусственного интеллекта.

КОМПЛЕКСНЫЙ ХАРАКТЕР УГРОЗ БУДУЩЕГО

Кибервойна (кибернетическое воздействие)

Рост числа киберугроз во всех сферах деятельности

Кинетическая война (кинетическое воздействие)

Рост числа региональных конфликтов и их жертв в мире

Когнитивная война (при длительной когнитивной подготовке по разложению морального духа населения)

Преднамеренная дезинформация

Кстати, возврат к гонке вооружений вернул в центр международной повестки суверенное государство как институт. Ещё десять лет назад в моде были разговоры о новых игроках: террористах, пиратах, хакерах или вездесущих транснациональных корпорациях (ТНК). Сегодня такие игроки либо ассоциируются с государством (хакеры), либо разгромлены (пираты), либо осознали своё место в политической истории (ТНК), либо опять же частично разгромлены или взяты под контроль спецслужб (террористы). Конечно, очаги активности, например, «независимых» террористов будут сохраняться. Но суверенное государство подтверждает свой статус структурной единицы международных отношений. И военные машины играют здесь важнейшую роль. Так что рано сдавать их в утиль.

С другой стороны, вряд ли в истории найдётся эпоха, когда применение силы было бы столь же ограничено – и сама возможность такого применения, и его эффективность. Несмотря на подавляющее превосходство в военных расходах и оснащении вооружённых сил, Соединённые Штаты крайне не связаны в том, что касается масштабной войны против России или КНР. Цена её очень высока, даже если не будут задействованы стратегические ядерные силы. Относительно небогатая Россия, например, может нивелировать превосходство НАТО в Европе с помощью тактического ядерного оружия. А Китай имеет достаточно сил для балансирования возможных

наступательных действий США в Азии. В наше время крупные державы далеко не сразу решаются на военные операции даже против гораздо более слабых государств, поскольку велик риск увязания в затяжном и безрезультатном конфликте.

Текущая ситуация отчасти напоминает первые два десятилетия холодной войны. Тогда ключевые игроки небезуспешно пытались играть на серии локальных кризисов, полагая, что соперник не решится на масштабный конфликт из-за небольшой стычки. Одна из таких «стычек» вокруг Кубы, правда, едва не привела к ядерной войне. Но в целом выяснение отношений на «периферии» или в отдельных критических точках (берлинские кризисы) стало средством силовой конкуренции.

Сегодня подобный подход возрождается в новом качестве: он носит эклектичный и размытый характер, без явно оформленной биполярности. И всё же, несмотря на то, что локальные конфликты всё так же вряд ли способны перерасти в насилие глобального масштаба, риск большой войны зреет по мере наращивания потенциала военных машин за счёт новых технологий и усугубляющегося непонимания возможных последствий их применения.

Например, крупные и средние державы вполне в состоянии осуществить успешную кибератаку на объекты гражданской инфраструктуры. Возможен и обмен такими атаками, которые сами по себе способны стать поводом к военным действиям. Модернизация ядерных боеголовок и носителей повышает вероятность их использования для решения локальных задач, что снижает порог применения ядерного оружия. Ограниченный ядерный удар уже обсуждается в качестве превентивной меры. Появляются новые виды неядерных вооружений, использование которых может привести к катастрофическим последствиям для обороноспособности государства-оппонента.

Другой чрезвычайно популярной разновидностью «боевых действий» сегодня является применение мер экономического воздействия на противника. Первые два десятилетия XXI века породили бум односторонних «точечных» или «умных» санкций. Они заменили популярные в прежние времена тотальные эмбарго, торговые и технологические блокады. Сейчас практикуется введение ограничений против «режима» и отдельных его представителей, ведущих компаний и отраслей экономики. На деле основные убытки несут обычные граждане. Предполагается, что они должны выйти на улицы и свергнуть власть — тогда, возможно, жить станет лучше. Санкции превратились в важный атрибут «театра безопасности». Когда дипломатия не работает, а применение силы слишком дорого —

**Возврат к гонке
вооружений вернул
в центр международной
повестки суверенное
государство как институт**

это единственный способ отчитаться о том, что с «проблемной» страной делается хоть что-то. Помимо наказания «режима» и подготовки революционной ситуации, о санкциях принято говорить, как о всё более популярном средстве «послать сигнал».

Широкое распространение средств экономической войны породил тот же пресловутый либеральный мировой порядок. В его логике – замена вооружённых действий формами финансово-экономического давления. Явление прогрессивное. Опять же – материальное ухудшение жизни на фоне его улучшения у других рассматривается как достаточный повод для возникновения серьёзной оппозиции действиям соответствующего правительства изнутри. Впрочем, примеров желаемого эффекта от санкций не так много. Зато мы помним другие случаи: нередко вместо того, чтобы стать средством ухода от войны, санкции, напротив, оказывались её катализатором. Если объект санкций не шёл на пятую, меры приходилось ужесточать – вплоть до применения силы, дабы не дискредитировать сами угрозы (Ирак, Ливия, Югославия).

Как ни парадоксально, камнем преткновения при использовании «экономического оружия» также является либеральный порядок, точнее глобализация. Например, одна из проблем введения более масштабных санкций против России – её тесная интеграция в мировое хозяйство. Исключение из мировой финансовой системы крупных российских компаний будет иметь серьёзные глобальные последствия, хотя в мировом масштабе российская экономика невелика. Ещё уже поле возможных санкций против КНР. Здесь агрессивные действия США приведут к симметричному ответу со всеми вытекающими последствиями. Масштабные и всеобъемлющие санкции против Пекина – «ядерная мера», на которую Вашингтон толкнёт лишь крайняя необходимость. Как ни парадоксально, но в этой ситуации классическое военно-силовое давление может оказаться более предпочтительным способом подавления противника, чем экономическое воздействие.

Демократия против порядка

В 1919 году, после заключения Версальского договора, один из крупнейших экономистов XX столетия Джон Мейнард Кейнс, в ту пору – чиновник министерства финансов Великобритании, участвовавший в подготовке документов для мирного соглашения, издал книгу под названием «Экономические последствия Версальского мирного договора». Кейнс прозорливо понял, что окончание большой войны означает не завершение, а начало крайне тревожного

и опасного периода. Опасного не только своей напряжённостью, но прежде всего неизвестностью. «События грядущих годов, — писал Кейнс, — будут направляться не сознательными действиями государственных деятелей, но скрытыми течениями, непрерывно бегущими под поверхностью политической истории, результаты которой никто не в состоянии предсказать. Нам дан лишь один способ влиять на эти скрытые течения; этот способ заключается в использовании тех сил просвещения и воображения, которые изменяют мнение людей. Провозглашение истины, разоблачение иллюзий, уничтожение ненависти, расширение и просвещение человеческих чувств и умов — таковы наши средства. <...> Присущая нам способность чувствовать и сознавать что-либо, если это не касается вопросов нашего материального благосостояния, временно исчезла». «Истинный голос нового поколения не сказал ещё своего слова, и молчаливое мнение общества ещё не народилось. Образованию этого общего мнения будущего я и посвящаю мою книгу», — завершал Кейнс многостраничное исследование.

Эпоху столетней давности роднит с нашим временем одно — то, на что указал Кейнс: наступает период изменений такого масштаба, что их осмысление требует совершенно иного восприятия, отказа от устоявшихся догматов, сколь очевидными они бы ни казались. Первая мировая война уничтожила «старую добрую Европу», которая, разрушив систему существовавших ранее правил, сначала погрузилась в бездну конфликта, а потом просто утратила качества ведущего мирового игрока. Сегодня перемены по всем направлениям происходят ещё более глубокие.

Тридцать лет эксперты и политики повторяют одну и ту же мантру о меняющемся мироустройстве. Интеллектуальные баталии ведутся о том, каким станет будущий мировой порядок. Однако, на наш взгляд, вопрос надо ставить иначе: *можно ли вообще назвать порядком наступающее состояние международной среды?*

Мы живём в «осыпающемся мире», как мы констатировали в прошлогоднем Валдайском докладе. В прошлое уходят привычные несущие опоры, вроде договоров о контроле над вооружениями, слабеют международные организации, институты, возникшие в прошлом веке. Но «транзитный» период затягивается. Более того, он сам по себе может стать на долгие годы самостоятельной системой международных отношений. История в очередной раз демонстрирует способность к иронии: по своему возрасту такая «транзитная»

Ограниченный ядерный удар уже обсуждается в качестве превентивной меры

«Транзитный» период затягивается. Более того, он сам по себе может стать на долгие годы самостоятельной системой международных отношений

и «временная» модель уже пережила Версальскую и прошла две трети жизненного пути ушедшей в прошлое биполярной системы.

Состояние «перманентного осыпания» вполне может стать долгоиграющим в силу уникальной конфигурации инструментов власти и принуждения в современных международных отношениях. В основе любой их системы – распределение между игроками мощи, которая обозначает пределы власти и способности принуждать остальных к выполнению своей воли или основополагающих правил. Мирный уход в прошлое биполярной системы стал возможен в силу ограниченных возможностей применять силу.

Конец «осыпанию» придёт тогда, когда будут преодолены имеющиеся ограничения на использование силы, либо когда сила, а вместе с ней и власть в международных отношениях получат принципиально новые измерения. Природа силы и её производных – ключ к пониманию как современного осыпающегося мира, так и возможной логики его сноса или трансформации. Риски растут для всех без исключения держав. Рациональное поведение предполагает умеренность и ответственный эгоизм – не позволить осыпаться той части «здания», в которой находишься ты сам. Но прежде всего рациональное поведение требует адекватного понимания происходящего.

Пришло время гипотез на тему того, в каких общих рамках будут развиваться международные отношения будущего и их основные составляющие – сила и мораль. И о том, ждёт ли мировую среду переход к неизвестному пока состоянию, которое отмечено совершенно новыми характеристиками, не похожими на ожидавшееся многими «довестфальское» либо на некое «послевестфальское» состояние. (Хотя использовать сами эти определения – уже загонять себя в отжившие интеллектуальные рамки европейской традиции.)

До 1648 года, а в значительной степени и до 1919 года, мир государств жил без формальных правил, определяющих вопросы войны и мира. И, возможно, эра этих социальных конструкторов закончилась. О «конце вестфальского порядка» рассуждали на рубеже XX и XXI веков, но тогда дискуссия была достаточно поверхностной. По сути, она мотивировалась стремлением обосновать силовое доминирование и международно-правовой релятивизм Запада после завершения холодной войны. Наиболее ярким аргументом служила неспособность отдельных государств исполнять в полной и должной мере свои суверенные обязательства перед гражданами. Этот аргумент априори делил государства на способные и неспособные к суверенитету, но не отрицал сам принцип суверенности как таковой – лишь оправдывал дискриминацию.

Однако сейчас порядок, установленный почти 400 лет назад в Европе и распространившийся по всему миру, подвергается гораздо более серьезным испытаниям. В первую очередь потому, что могуществу стран Запада, культурных носителей устоявшегося порядка, брошен вызов. Под вопросом их способность отстаивать собственные ценности в качестве доминирующих. Причина — необратимое распространение технологий, дающих разным государствам потенциал сдерживания. Инструменты, необходимые для реализации внешнеполитических задач, уже не могут быть монополизированы через обладание уникальными ресурсами и знаниями. И дело не только в материальной стороне.

Не меньшую роль играет тот факт, что в категорию ведущих мировых держав возвращаются великие цивилизации Востока, в первую очередь китайская. Они несут иное понимание принципов организации международных отношений. Европейская традиция последние несколько столетий предусматривала объединение формально равных, лидерство же определялось только силовой способностью его обеспечить. Этой способностью обладали разные государства, сменявшие друг друга в рамках своеобразной ротации, но схема оставалась неизменной. Однако ни легистская, ни конфуцианская системы ценностей, приходящие в глобальную политику по мере выхода её адептов в «высшую лигу», не предполагают равенства как такового. И для легизма, и для конфуцианства «верховенство» — понятие не относительное, а абсолютное, изначально присущее одному носителю, и его принадлежность не меняется в зависимости от качеств конкретной державы. Даже многократно превосходящие Поднебесную по своим силам «варвары» не становятся от этого лидерами, закон которых справедлив только потому, что подкреплён силовым ресурсом.

Итак, результат эрозии основ вестфальского порядка сказывается на поведении его основных участников как вовне, так и внутри западного сообщества. Суверенитет уже не делится на «для своих» и «для других», а просто не существует в качестве ограничителя действий держав самого разного калибра.

Холодная война продолжается. Но сейчас — это качественно иное по сравнению с предыдущими эпохами состояние международной политики. Ведь анархия не может быть справедливой или нет — эти характеристики присущи только порядку как способу отношений, фиксирующему роли игроков и распределение сил.

Анархия не может быть справедливой или нет — эти характеристики присущи только порядку

Наиболее надёжным ограничителем агрессивных проявлений одних в отношении других является неминуемость наказания

Новое состояние делает необходимой постановку нескольких фундаментальных вопросов, помимо того, который уже поставлен выше. *Возможен ли теперь порядок в принципе? Что такое либеральный мировой порядок и закончился ли он? Дошла ли институциональная и правовая мысль человечества в том, что касается международного устройства, до своей высшей точки в XX веке, а дальше нас ожидает только деградация? Фатальна ли эрозия мира, в котором мы жили, и требуется ли «сносить здание», чтобы начать возводить на его месте новое строение? Нуждается ли мир в «правилах игры» или только в «технике безопасности», жизненно важной в зонах «аварийного жилья»? И почему, собственно, государства, которые создают люди, должны подчиняться определённым правилам?*

Сейчас в мире отсутствует сила, которая способна выступить в качестве «агента порядка» – предоставить ресурсы для принуждения государств к социально ответственному поведению. Механизм ООН является формальным воплощением неформального консенсуса государств по основному для них вопросу – их центральной роли в международных делах. Но он не является саморегулирующимся. Более того, в нём такие механизмы изначально не заложены.

Согласно законам природы, свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. В том, конечно, случае, если другой эту свою свободу может защитить. Так и с государствами – наиболее надёжным ограничителем агрессивных проявлений одних в отношении других является не право и закон (они – продукт доброй воли и подлежат пересмотру), а неминуемость наказания, которое может последовать в ответ на произвол. Эта неминуемость обеспечивается возможностями других и их решимостью отстаивать свои интересы и принципы даже перед вероятностью катастрофы, которая в случае столкновения ядерных сверхдержав с высокой степенью вероятности примет планетарный характер. В центре внимания – не способ достижения мира, а образ поведения государств и его рамки.

Мы признаём невозможность создания мирового управления, опирающегося на силу какой-то державы/группы держав, и полагаемся на инстинкт самосохранения государств. Несостоявшийся либеральный порядок вряд ли сменится своим антиподом – имперской моделью. В глобальном масштабе она попросту невозможна. Этот новый мир гораздо демократичнее своего предшественника и одновременно гораздо требовательнее к лицам, принимающим решения. Но именно поэтому он открывает огромные возможности для дальнейшего взросления человечества как социума самостоятельных индивидуумов – государств. Для того, чтобы воспользоваться ими, нужно лишь осознать серьёзность перемен и освободиться от сковывающего интеллектуального наследия уходящей авторитарной эпохи.